

Анджей Заневский

ТОЛЬКО ЭТИ НЕСКОЛЬКО ЛИЦ...

**Перевёл с польского
Андрей Базилевский**

**Вахазар
2003+2009**

*Ты – победитель, если умеешь
смеяться над своим поражением.*

Пожар

Когда горят леса,
поджигатель убегает первым –
заметая следы, он проклиная засуху.

Когда горят леса,
животные спасаются бегством
– опалённые птицы,
ошпаренные косули.

Поджигатель в безопасном месте
ждёт новостей.

Вооружённые люди
останавливают машины.
Отчаянный крик,
сирена тревоги.

Радостно трещат искры,
разлетаются фейерверки слов
– клубы дыма,
манифестация огня.

Через несколько дней
на пепелище
выясняет причины пожара
специальная комиссия
во главе с поджигателем.

Цивилизация птиц

I

Мы на краю. Оглянись: позади
века убийств и гордыни,
великих иллюзий и мелких шажков,
глупости и хвастовства.

Мы стоим перед гигантской свалкой,
над ядовитыми водами,
под отравленным небом,
мы ненавидим
и презираем друг друга,
и лжём, лжём, лжём –
о развитии, о прогрессе и дружбе.

Мастера убийства,
мастера лицемерия,
мы сами себя истребляем.

Не замечая
новых цивилизаций,
которые рождаются рядом.

II

Тем временем на нас надвигается цивилизация птиц,
наступает со всех сторон
на свалку грехов наших насущных.

Каждое утро я вижу с десятого этажа
серые, белые, чёрные стаи,
слушаю говор на сотнях наречий,
поражаюсь их разуму, ловкости, дерзости.

Над нашим распадом,
над нашей катастрофой

они летят к своей цели,
к своему будущему.

Мы их травим,
убиваем, истребляем,
разрушаем гнёзда,
отбираем птенцов,
а птицы всё летят, летят, летят.

Я знаю, ты мне не веришь, и я понимаю тебя,
человек, млекопитающее средней величины,
побольше крысы,
поменьше льва,
– ты не веришь, что птицы – будущее Земли,
что они покроют планету миллиардами гнёзд,
и победят тебя своим совершенством,
и примут власть над землёй и небом.

Но это правда: цивилизация птиц
переживёт нас и останется здесь,
когда нас уже не будет,
когда ты сам себя сожжёшь,
истребишь, задушишь.

III

Остановись, прохожий,
посмотри
в небо над свалкой.

Крысы

Андрею Грончевскому

Крысы среди нас. Ночью, едва ты уснёшь в своей уютной комнате, они бесшумно пробегают рядом, собирая с ковра крошки дня твоего. Осторожно обнюхивают твою ладонь и исчезают во тьме. Их писк не пробьётся сквозь сон, ты и не подозреваешь об их присутствии в твоей жизни.

Крысы везде. Это общество, параллельное нашему. Крысы рожают и убивают, спят и дерутся, любят и предают, удирают и атакуют. Держатся в нашей тени. А мы видим их как в тумане, в отдельной нише, вне связи с собой. Мы к ним безразличны. А между тем вокруг растёт цивилизация подвалов и стоков, цивилизация алчная и жестокая. Повсюду, в новых и старых районах, в министерствах и деревенских избах, в музеях и казармах крысы строят свои лабиринты, роют потайные ходы, прогрызают лазейки, создают системы гнёзд, где всегда можно скрыться и откуда легко ускользнуть.

Больше всего о крысах знают чистильщики канализации, истопники и ночные сторожа, но они молчат, чтоб не пугать тебя. Ты ведь и так нервный. Если б ты узнал слишком много об этой крысиной осаде, которая длится веками, ты бы сошёл с ума, выпрыгнул в окно, облил себя бензином и поджёг. Лучше сбереги остатки спокойствия – завтра придётся разгадывать новые тайны.

Крысы всё ближе. Когда-то я о них писал: серые кометы, слёзы подвалов... – всё это были уклончивые метафоры. А если жизнь крысы – это ключ к моей жизни? У каждой эпохи

свои слепцы и поэты. У каждого времени
свои крысы. Мы вместе бежим от пожаров,
как братья, которые ненавидят друг друга.

Весь наш мир – в крысиной норе.
Крыса Эдип, крыса Сизиф, крыса Геракл,
крыса Язон, крыса Беллерофонт живут,
покрытые серой шерстью. Вся мифология уместилась
в зверьке, маленьком, как моё сердце.
Между кончиками его усов
и голым, изгрызенным хвостом.

Завтра утром, пока ты ещё будешь во сне
беседовать с Эль Греко о том, как угасает
плоть, о беспредельности, витающей вокруг кишок и лёгких,
о наготе слов и лиц – ты вдруг услышишь
шуршанье и скрежет зубов,
и они заглушат все твои размышления и цитаты.
Это – крыса,
она грызёт, чтобы жить, она
должна грызть – так же, как ты должен работать.
Это – крыса,
она живёт под твоим безмятежным домом.
Крыса, наделённая совершенным мозгом,
который приводит в движение
непрерывно растущие зубы.

Цель

Зачем жить?

Чтобы знать,
видеть,
быть.

И любить,
и быть любимым.
Хоть мгновенье – любимым.

Убийцы прячутся среди деревьев

Не возвращайся поздно –
убийцы ждут.

Ждут на лестнице,
в подворотне напротив,
на скамейке у магазина,
следят за тобой с другой стороны улицы.

Убийцы хитры и безжалостны,
они давно решили убрать тебя.
Хотя даже не помнят, кто тебя заказал и кто заплатит,
и почему он так тебя ненавидит.

Их бесит, что ты с поднятой головой
твёрдым шагом идёшь по улице
на окраине города.

Ведь это ты иногда превращаешься в птицу –
а они этого не умеют.

Искушение

– Убей! – прошипел дьявол.

– Нет! – ты стиснул кулак.

– Убей! – смех наполнил твой слух.

– Никогда! – отвечаешь ты. – Изыди!

– Убей! Уничтожь! Растопчи! И себя в том числе! –
заклинает разъярённый демон.

– Тебя нет! – кричишь ты. – И никогда не было!

Ты изгнал его.

Успокоился.

И – убил.

Безумие

Безумие незаметно,
пока дело не дойдёт до вспышки.

Безумие – словно огонь,
дремлющий в скалах.

Безумие незримо.
Непредсказуемо.

Ты и не подозревал о нём,
хотя долго смотрел в эти глаза,
веря, что они говорят правду.

Но только пустой смех и ненависть
таились в глазницах.

Предостережение – может быть, для тебя?

Окрылённый прохожий, будь начеку,
толпа не любит крылатых,
её нужны перья для шляп
и пух для перин.

Поосторожней на улицах, рынках и стадионах!
Тебя повалят в подворотне, вырвут летучие перья,
Дама червей околдует тебя улыбками и помадой,
счастливого свяжет и оттяпает крылья.

А ты ведь уже забыл, как снижаться и приземляться,
как жить без пространства под и над,
как жить без горизонта – у самой земли...
Будь начеку, окрылённый прохожий!

Инквизиторы трудятся в поте лица

Красная инквизиция,
чёрная инквизиция,
бесцветная инквизиция.

Инквизиция в словах,
инквизиция в генах,
инквизиция в глазах.

Будь осторожен!
Даже козырная карта может сгореть
от страха!

Перед третьей мировой

Цели уже взяты на мушку,
динамит подложен,
громко тикает часовой механизм,
а ты всё считаешь деньги,
горюя, что не хватит
до конца месяца,
который только что начался.

Убийцы где-то рядом

Убийцы где-то рядом,
жуют тот же хлеб насущный.
Убийцы среди нас, они от нас неотличимы.

В кармане кастет, нож с пружиной,
заряженный пистолет, а мысль безостановочно ищет цель.
Может, тебя? А может, меня?

Убийцы убивают не только ради денег,
не только для того, чтоб отомстить, не только из ненависти.
Они убивают, потому что любят убивать, как ты – играть
в карты или в кегли или смотреть пантомиму.

Они везде: на улице, в гардеробе, у стойки бара,
где ты изливаешь душу незнакомке,
они в магазине, куда ты зашёл за мороженым,
в метро и на лестнице твоего дома.
Они смотрят в то же звёздное небо,
берутся за те же дверные ручки.

Ты слышишь их шаги и шёпот.
И даже их дыхание.
Не забывай о них.
Обуздай свой страх
и живи.

Называй преступника его собственным именем

Называй преступника человеком. Если б он мог
убивать безнаказанно – он убивал бы ежедневно,
и купался в крови, а заметя следы,
подсчитывал бы выручку от своих преступлений.

Не надо питать иллюзий – человек не лучше, чем он есть!
Это ты – лучше, ты и несколько теней возле тебя,
те, кому ты поверил, кого ты любишь.

Преступник над тобой смеётся,
не стыдясь своей ненависти.
Он издевается над твоим прощением.

А ты отказался мстить
и всё прощаешь.

Не называй преступников зверями,
ибо звери не могут защищаться
от обвинений.

Называй преступника человеком,
только человеком.

Кредит ангелу

Дай мне в долг – просит Ангел у Чёрта.

Тот, потирая руки, даёт ему в долг
и мысленно начисляет проценты.

Почему
никогда не бывает наоборот?

* * *

*...друзьям из Общества противников преступлений
имени Иоланты Бжозовской*

Убийцы совсем близко, возможно, за этой дверью.
Они убивают и убивать не перестанут,
они выслеживают и травят своих жертв,
тебе их не остановить.

Вот-вот грянет выстрел,
ударит нож,
рука затянет петлю.

Они без передышки
закапывают, жгут, четвертуют людскую плоть.

Ты не в силах им помешать, выкрутить руки,
посадить их в тюрьму.

Так почему же ты, и ты, и ты, и я,
угрюмые, ожесточённые, разгневанные,
почему мы – несколько сосредоточенных мужчин
и женщин с пронизательным взглядом –
в десятиметровой комнатке
сжимаем кулаки.

Послание пожирателям мяса

Помни!
Уже недалеко то время,
когда все животные,
которых ты убил и съел,
соберутся у твоей постели
и будут смотреть, как ты умираешь.

Короткая баллада о недоверии к словам

Приветливый город, дружелюбные подворотни,
древние карлики бодрствуют, сонно жмуря глаза.
Гладкие, чистые стены,
улыбчивые прохожие,
пастельно мягкие слова,
лампадки в дворовых часовнях.

Люби, и будешь любим!
Прощай, и тебе простится!
Верь, и тебе поверят!

Иди спокойно, без страха,
иди, как к друзьям.
Иди!

И он пошёл,
и его убили в приветливом городе.

Бессмертный

Человек не погибает.

Он превращается в эхо,
в сон,
в тень.

Человек не умирает,
через врата заката он переходит
на другую улицу.

Ты не покинул меня,
ты стал светом в памяти моей.

И будешь
среди нас,
как незримое пламя.

Твоя настоящая любовь

Один,
два, три,
четыре, пять, шесть,
семь, восемь, девять, десять,
двадцать, тридцать, а может, и сто,
сто миллиардов одиноких людей на Земле,
самим фактом рождения приговорённых к смерти.
Все они ловят мгновения счастья,
соперничают друг с другом,
пожирают мир.

Приходят они быстрее, чем уходят,
они рвутся сюда и боятся уйти,
жаждут жить, не хотят умирать,
хотят добиться как можно больше
– каждый для себя.

Миллиард за миллиардом уплывает в лодке
через реку Стикс.

А ты... Ты любишь только несколько лиц,
несколько голосов,
несколько теней...
Любишь глубже всего, любишь невыразимо,
любишь на самом деле.

Только эти несколько лиц... И не лги,
будто дело обстоит иначе.

Баллада о моей бабушке

Памяти Юлии Ландау

Моя бабушка умирала почти сто лет
в Сарнаках, Ломже, Белостоке, Гродно,
Вильно, Минске, Варшаве, Гданьске.

Она пережила много войн,
родов и мертворождений,
пожаров, бегств, эпидемий.

Отважная, строгая, непреклонная,
она несла в себе тайны,
которых мне уже никогда не узнать.

Просыпалась первая,
засыпала последняя,
не унывала, не лгала, не крала.

Работала за десятерых,
за сотню, а то и за тысячу,
как совершенная машина.

Учила меня молитвам, заповедям, легендам
из Ветхого и Нового Завета,
но сама в церковь ходить не любила.

Писала жалобы, заявления, прошения
секретарям, председателям, директорам,
чтоб дали угля, пособие, путёвку в санаторий.

Моя бабушка не верила в Бога,
и Богу, наверно, это было не очень приятно, потому что он-то
верил в мою бабушку, как в самого себя.

Из будущего

Смерть приходит из будущего,
наигрывая на дудке из берцовой кости.

Талантливая артистка!
Только глянет – и ты обратишься в прах.
Коснётся и остановит работу сердца.
Может накрыть тебя плащом и проглотить.

Неправда, что она ждёт тебя!
Это ты её ждёшь!

Думаешь, она забыла?
Смерть не забывает!
Думаешь, она не помнит?
Смерть не знает памяти!
Память и забвение – это твои мифы,
нужные только тебе.

А Смерть просто забирает.
Приходит и срезает кого попало,
сегодня ты избежал её, завтра она тебе не простит.
Она всё ближе, её уже не отсрочить.

Смерть всегда приходит из будущего.

* * *

Карлики мешают нам идти быстрее,
падая к нашим ногам.

Кинжалы они пустят в ход в сумерках,
в переулке возле таверны.

К счастью, на всякую хитрость есть своя хитрость,
а у заговора есть свои изменники.

* * *

Закон, который не даёт ощущения безопасности, – дурной закон.

Не суди по дурному закону, иначе будешь плохим судьёй.

Законами правят те, кто их пишет, а те, кто их познаёт на своём опыте, – немые.

Почему я должен верить в твою презумпцию невиновности, когда смотрю в глаза преступнику?

Между правом и справедливостью

Анне Язвинской

Между справедливостью и несправедливостью – жизнь и смерть.

Между правдой и ложью – страдание.

Между обвинением и защитой – презрение.

Между законом и честностью – пропасть.

Между приговором суда и судом наших мыслей – слёзы твои.

Окончательное познание правды о самом себе

Людей и крыс убивают одинаково.
Анатомических различий нет.
Физиологических тоже. Однако есть
проблема величины животных.

Тот же голод! И страх! И любопытство!
И поиски счастья!

А как же улыбка? Разве нас не отличает улыбка?
А речь, слова, стихи? Размеры мозга?
Складчатость его коры? Выпестованная
сверхчувствительность?

Прогресс – это компьютеризация бойни,
идентификатор под кожей и лазерный
прицел твоей винтовки.

Мою и твою кожу нож разрезает одинаково.
Пастух отгоняет волков, но скоро он всё равно
перережет овец, потом примется за волков, а в конце концов
наденет мундир, чтоб убивать людей, пока сам во веки веков
не откинёт копыта.

И будут люди гореть, гореть бесконечно.

Никто не хочет быть только каплей, даже
в быстром потоке. Живые не знают
вечности, так что и ты

– зверь, хотя бываешь человеком.

* * *

Голубка с тёмными крыльями
тщательно складывает веточки
и клочки бумаги.

Голубка думает о яйцах, которые снесёт,
и о птенцах, которым нужно тепло.

Ты назвал всё это инстинктом, желая
оправдать своё безразличие,
а может быть, глупость, брезгливость
или непонимание.

Ты мог бы понять, если б хотел, но
боишься правды. Предпочитаешь ложь, ибо
она возвышает тебя и даёт
ощущение силы.

Любой ценой ты хочешь быть господином Земли,
и властвовать, и убивать, и
не замечать.

Твой Бог отпускает тебе грехи, но будь осторожен,
ибо её Бог тебе не простит и
грехов не отпустит.

Ты предпочитаешь не знать, что голубка
несёт свои яйца в крови, в муках и горьком
предвидении, а любит она, быть может, глубже
чем ты.

Десять заповедей для себя

1. Не убегай от друзей, иначе – где найдёшь пристанище?
2. Не проверяй силу огня на собственных крыльях.
3. Не раскрывай своё сердце тому, кто закрывает дверь у тебя перед носом.
4. Не похваляйся мудростью – тебя зарежут дураки.
5. Не води дружбу с тарантулом – а вдруг он примет тебя за сверчка.
6. Не возвращайся к отравленным истокам.
7. Не бросай крепкие кости беззубым собакам.
8. Не забывай, что камень помнит иначе.
9. Не спрашивай, отчего тебе хочется танцевать, – танцуй.
10. Не отвечай на вопросы, рождённые завистью.

30 ноября 1995

Жестокость цифр

Твой номер – это не Ты. Ты – нечто большее.

Числа не объясняют, а упорядочивают. Не истолковывают, а называют. Это имена, а не легенды. Они строят всех в шеренгу и не терпят бунтарей.

Не верь числам – будь человеком.

Помни, что числа безжалостны, и не бойся. Иди в лес, посмотри на птиц. Не считай их, а просто слушай.

Неоконченная биография Нуля

1. Ты хотел быть больше, чем ты есть, а приземлился на карте, населённой нулями.

Стыдно тебе, но что может поделаться Ноль?

2. – Ноль может свернуться восьмёркой.

– Вытянуться в единицу.

– Разорваться и стать тройкой.

– Возможно, ноль может и больше!

– А ещё он может стать числом, округляя либо дополняя величины.

3. Ноль может жить долго и счастливо или коротко и отчаянно. Возможны миллиарды комбинаций и сочетаний.

Не огорчайся, всем нужны нули в балансе.

Нет пустоты там, куда проникает свет

Истинная пустота,
незамутнённая, чистая,
безупречно порожняя – это абсолютное небытие.

Пустота – темнота без конца
и начала.

Когда есть хоть немного света,
пустота исчезает.

Цитата из Лейбница

Мы отступаем, чтобы прыгнуть выше!
Мы отступаем, чтобы прыгнуть дальше!
Бывает, живём ради одного-единственного прыжка!
Ждём попутного ветра, чтоб прыгнуть вместе с ним!
Малые шаги перед большим прыжком –
это надежда.

Почему ты прыгаешь против ветра?

Шаг в вечность

Сознание жизни – это сознание страха
за жизнь.

Голубка понимает шёпот из недр яйца.
На развалинах тоже можно жить.
А ты – победитель, если умеешь
смеяться над своим поражением.

Вечность и для меня, и для тебя
одинаково неуловима,
как это мгновенье,
что прошло незамеченным.

Это застолье тебе известно

За столом голодающих
аккредитовали поэта.

Он радовался, не зная,
что попал в компанию людоедов.

Сыпал метафорами,
любезничал с дамами.

Не звал на помощь,
не умолял, не просил.

И невзначай,
сам не заметил как,
стал главным блюдом
– всего на одну секунду.

Твоё атеистическое «эго»

Ты – есть, и
ты уверен в том, что существуешь,
присутствуешь в этой реальности.

Почему же тогда ты не веришь
в существование Бога и
иной реальности.

Ведь
если ты здесь –
то возможно всё.

То, что кажется неправдоподобным,
более всего вероятно.

Всех этих обманщиков

Нас обманывают карты,
обманывают политики,
обманывают друзья,
обманывают дети, родители, мужа и жёны,
и сами себя мы обманываем.

И прощаем,
и забываем,
а иногда всех этих обманщиков
даже благодарим.

Время джокеров

Пришло их время! Джокеры у власти!
Короли свергнуты,
дамы брошены,
вальты спиваются от отчаяния,
тузы рыдают в дурдомах, а
остальные карты кланяются в пояс новым властелинам.

Маленький шут
в колпаке с тремя колокольчиками
с улыбкой зарежет любого.

Предсказания не принимаются

Игра идёт, а рядом
всё тот же старый гном
гадает тебе по руке,
мечет карты,
предсказывает.

Ты непременно желаешь знать всё, но
уже не можешь поверить.

Сказка о четырёх демонах

Злоба,
Презрение,
Зависть,
Ненависть
– четыре демона за квадратным столиком
играли послушными картами.

Предвидел ли тот, кто открыл дверь,
что резкий сквозняк подхватит
и разбросает всю колоду среди людей?

Сегодня
послушные демонам карты
играют в наших руках против нас.

Надежда приходит в сумерках

Наблюдай за ней внимательно!
Приближайся к ней осторожно!

Твоя Надежда может оказаться профессиональным киллером, убивающим за деньги или по приказу чужого тебе мастера, завистливого, ненавидящего.

Ты стал не нужен, вот тебе и подослали призрачную Надежду – чтоб довести до самоубийства.

Быть может, она так же фальшива, как та Прекрасная Дама бубен, которую ты полюбил на своё несчастье.

Но будь осторожен, чтоб подозрением не обидеть Надежду Истинную и Мудрую, а то ведь сам себе никогда не простишь.

Надо мной беззвёздное небо

Не звёзды горят, а зрачки
бездомных детей.

Не звёзды, а костры на которых жгут мертвецов.

Не звёзды, а залпы карабинов по толпе.

Не звёзды, а лампочки в камерах
где идут допросы.

А тем временем звёзды за толщей туч
всё молчат и молчат.

Круги дружбы

1. Если ты дружишь с моими врагами, ты не можешь быть моим другом.
2. Это касается также всем известных слов и слов произнесённых, предоставленных воле домыслов, слов, от которых едва удержались, прикушенных вместе с языком, недосказанных и невысказанных.
3. Хорошенько проверь, на каких языках говорят печати, лозунги, флаги, эмблемы, символы, знаки над воротами и на повязках, на пряжках и орденах.
4. Присмотрись к отражению в зеркале – а может быть, именно ты – свой самый опасный враг?
5. Это касается также лучей, звуков и мыслей.
6. И твоей мечты, если ты всё ещё склонен мечтать.

* * *

Боль – проще всего,
боли не нужно слов,
просто она болит.

Не говори о боли,
которой не пережил.

Польша 2000

Ад, вымощенный клятвами,
гомон молитв,
забастовки нищих,
вместо свободы – блевота.

От орла остались перья,
полые кости, наштигованные асбестом.
Земля продана чужим за сребренники,
рабочие высмеяны и унижены.

Мечи, короны и шпоры перетопили на мелочь
и бренчат ею в кассах –
любимая американская мелодия.

Толпа шутов и воров провозгласила себя элитой,
писателям отведено место в углу истории,
мечты залечены, как раны,
только шрамы остались от них.

Парад жулья продолжается. Радуйся, наивный поэт,
что ты ещё умеешь верить в мире недоверия.

Цивилизация реального капитализма

Гипотезы:

- а. Свобода и деньги.
- б. Свобода без денег.
- в. Деньги без свободы.
- г. Ни свободы, ни денег.
- д. Прогноз негласный, тайный.

Обезьяна мечется по клетке взад-вперёд –
ей “система ценностей” покоя не даёт,
обезьяна в панике волосёнки рвёт –
автострада делает новый поворот.

Тем, кто не знает голода

Не шути над голодом, которого ты не знал.
Не спорь о голоде, которого тебе не понять.
Если жертвуешь голодным деньги
с благотворительного бала, не удивляйся,
что в душе они плюют на тебя.

Ты думаешь, это голод, а это уже – ненависть.
Сытый, который не накормил голодного, становится
его врагом.

Неужели ты всё ещё не понимаешь, почему
стал объектом
ненависти?

Мысль во время бомбардировок Югославии

Не бойся бесов! Не беги!
Они исчезнут, в бездну канут.
Ты у разбитого моста, но
мечту от зла убереги.

Не спрашивай, в какую пропасть
уходят тени по ночам.
Вот-вот откроются ворота
в век двадцать первый – век отчаянья.

Грядущее?
Сплошная рана!
Простить?..
Нет – мост отстроить заново.

Ночь, когда не видно луны

Ночь, длинная, как нож,
блестящая, как нож,
ужасная, зеркальная ночь!

Ночь, острая, как стеклянная грань,
быстрая и опасная,
как штык в руках безумца,
шизофреническая ночь!

Ночь 15 мая 1999 года ничего не завершит,
ничего не начнёт,
не откроет ни одной двери,
она только душит и ранит.

Ужасает бомбёжками
и убийствами совсем рядом:
в Белграде, Нови-Саде, Ужице, Приштине
и много где ещё.

Ты уже притерпелся, освоился. Засыпаешь,
зная, что там объявляют тревогу.

Ночь сверкает, как клинок ножа, отразившего
ночь, сверкающую, как клинок ножа,
отразившего ночь, сверкающую,
как клинок ножа,
отразившего
ночь, сверкающую,
как клинок
ножа...

Эпилог к поэме «Город»

Сегодня я защищаю Варшаву
от беспамятства
от равнодушия
от лжи

Я защищаю своё место во времени –
Польшу

Открываю новые мысли склоняясь над старой раной
– память необходима нам именно теперь
когда враги перед нами и внутри нас
а так хочется дружбы и единства мыслей

Сегодня я защищаю Варшаву
– хочу одолеть современников
опровергнуть тех кто видит только клочок мира
я защищаю своё лицо
свой голос
свой труд

Я открываю фронт
вокруг своего дома

Мы всегда на стороне будущего

Молитва о мире в Югославии

Боже Белградских икон,
из золота, сини и тени,
выслушай мысли мои,
горькие и тревожные.

Не знаю, молитва ли это,
не знаю, страх ли это,
а может, только мольба
и безнадёжные просьбы.

Боже, ты слышишь шаги миллионов
и миллионы сердец?
Обретёшь ли ты вновь
казнённые дни и ночи?

Услышь эти слова, растоптанные солдатскими сапогами
и босыми ногами, бегущими от смерти,
слова, искорёженные, как мосты над Дунаем,
выжженные бомбами, как вокзалы.

Боже земли израненной,
Боже неба, несущего гибель,
Боже жизни и смерти, смилуйся над Югославией,
не смежай зениц перед болью её.

Боже! Я помню, как пели на виноградниках,
помню грозный лик маршала, глядящий с холма,
помню сны о свободе, которая всегда где-то дальше,
не там, где мы.

Что ты сделал, Боже, чтоб защитить верящих в тебя –
от страха, детей от слёз,
землю от крови, ночь от пожара,
реку от тьмы.

Посмотри на эти стальные лица,
на эти безумные, мстящие руки,

на мысли, расколотые, как колокол,
разбитые, как врата церковные.

Облегчи долю их! Помоги! Приди из вечности
по улице будничных дней и позволь
отдохнуть и выстоять.

Боже церквей, костёлов, мечетей,
прими безверие моё,
услышь молитву сомнения,
молитву неверующего,
молитву со стиснутыми кулаками,
молитву того, кто хочет поверить,
что ты Господь наш,
услышь молчащего и помоги ему
жить дальше.

Боже! Покрой лица умерших и освети
лица живых, а побеждённых убеди – пусть поверят:
нет побеждённых окончательно, нет покорённых
навсегда, нет униженных навсегда.

Боже оливковых рощ, виноградников и садов,
сделай так, чтобы вновь танцевали хору
на всех площадях Югославии,
а влюблённые говорили только о любви своей.

Боже, прими печаль, скорбь и тревогу
неизвестного поляка, сделай так, чтоб в Мостаре на мосту
опять целовались юноши и девушки разных народов.

Боже, сблизь людей,
помоги отыскать надежду,
забыть и простить,
сделай так, чтоб это стало возможно.

Выслушай мысли мои,
Боже Белградских икон,
из золота, сини и тени,
помоги поверить, что ты есть!

Носильщик

За пару монет ты подрядился перенести
тюки с улицы А-В на улицу С-D.
Ты и не предполагал, что Они взвалят тебе на плечи
багаж потяжелее.

Не предвидел ты и того, что груз, который
ты считал временным, прирастёт к твоим плечам,
пустит корни под кожу, достигнет
артерий и сердца.

В слезах, в отчаянии, без всякого смысла
ты всё так же его таскаешь, разносишь, влечёшь,
от площади до совести, от совести до перрона,
от перрона до безнадёжности,
и куда-то дальше.

Ты думаешь, что тащишь безмерность, предназначение,
колоссальную глыбу, а ведь ты
поднимаешь, несёшь, опускаешь на землю
только самого себя.

Так вопреки себе ты стал носильщиком
своей судьбы.

Подражание Декарту

Я мечтаю,
значит, я существую.

Существую, значит, ищу.

Ищу, значит, люблю
и предчувствую.

И прощаю, но
не себе.

Тайный плач нигилиста

Время безжалостно даже во сне,
а ты ищешь грёз, веря,
что спрячешься в них.

Кончается внешняя война,
начинается внутренняя.

Солдат больше нет, но есть совесть.

Толпы дезертиров, мародёров, героев,
а ты – ну кто ты такой?

Больше всего шансов выжить – у дезертиров,
герои гибнут на свалках либо
застывают в монументальных позах.

Не лучше ли быть дезертиром,
а притворяться героем? Ты же знаешь таких.

Не думай, что сердце труса истекает кровью иначе,
чем сердце храбреца.

Не решай, не выбирай, не надо.
Живи и переживи!

Эмигрант

Быть изгнанником – не обязательно значит быть далеко,
изгнанником можно быть совсем рядом.

Изгнанником станет не тот, кто уходит,
а тот, кто остался, потому что не может уйти.

Самый несчастный изгнанник – тот,
чьи мысли изгнали,
притом так успешно,
что он и сам от них отказался.

Переплётчик

Стать писателем легко – просто записывай видимое
и немного незримого.

Писателем из школьной программы ты станешь,
читая словари и цитируя тех, кто больше тебя.

Плюс знание орфографии, грамматики
и умение вести себя за столом.

В популярные писатели тебя произведут читатели,
если напишешь то, чего они ожидают.

Настоящий писатель ты – когда в одиночестве
переплетаешь свои книги
в лоскутья собственной шкуры,
которые, стиснув зубы,
сам с себя срезаешь.

Убийство писателя

Можно застрелить его, отравить...

Только зачем?

Лучше – не заметить, не различить,
пройти мимо – так, словно он пустое место,
словно его нет...

– Замолчать книгу!
– Замолчать человека!
Заколоть, не касаясь!

А ты защищаешься, не поддаёшься. По-прежнему
хочешь быть, твоя борьба за жизнь проста
– книгами. Ты притворяешься
наивным и бесстрашным, но они-то хорошо знают,
что это неправда.

Они тебя приговорили к смертной казни через забвение:
не заметить, пройти мимо, перечеркнуть, а заодно и малость
оклеветать (это всегда облегчает исполнение приговора).

* * *

Они не говорят прямо, избегают слов,
из которых ты можешь узнать больше,
чем угодно им... Они по-прежнему –
твои непримиримые враги.

Больной

Сташеку Мисаковскому

Он схватил меня за рукав
перед Домом Литературы. Почти горя от гнева,
он нёс в зрачках светотень – страшную
болезнь несогласия.

Губы его потрескались, пересохли от внутреннего
огня, щёки запали. Улыбка исчезла.
Он смотрел на меня так, словно весь мир отказал ему
в помощи, словно он повис между жизнью
и небытием и ищет выход.

– Куда ты?
– В библиотеку – ответил он.

В сумке через плечо
у него были стихи, близкие к совершенству,
и будущее, которому он уже перестал верить.

Помоги мне – просил он мысленно – я не умел помочь.
Поддержи – но я был, как и он, унижен.
Помни – никогда не забуду.
Никого моя судьба не волнует – сетовал он.
Я бессильно сжал кулаки.

Кто умирал тогда?
Он? Мир? Или я?

Священнику Яну Т.

Не обольщай нас любовью! Мы людей не любим!
Мы любим лишь себя! Очень любим себя
и именно этой любовью окружаем близких,
тревожно и ревностно, жадно и страстно.

Они бунтуют, сердятся, любви твоей не желают,
а ты всё умоляешь, обвиняешь, убеждаешь,
учишь: спешите любить... А мы отступаем!

Они заслушались, на мгновенье готовы поверить, что любят,
что они осиянны любовью и почти совершенны,
но потом возвращаются в серенький сумрак,
и им уже не хватает ни времени, ни мечты.

Они хотят любить неустанно, но не умеют!
Они хотят любить глубже, но они ведь всего лишь люди!

Стены потрескались, ключ застрял в дверях,
денег нет даже на подаяние,
кончился уголь, мороз стучится в окно,
и тебя, такого доброго, тоже счастье стороной обходит –
в поношенной сутане на своей хрупкой ветке
ты похож на тихого, усталого скворца.

Не проси, чтоб я спешил любить;
научи меня – как перестать ненавидеть.

К ***

Ты разделяешь. Правишь. Усмиряешь. Учишь.
Запрещено! Не читайте! Не верьте! Не смотрите!
Потрясаешь кропилом. Хлещешь чётками, грозишь,
призывая пророков.

Облачённый в золото спеси,
ты отдаёшь приказы от имени Всевышнего,
сгибаешься под скрижалями заповедей.

Но откуда ты знаешь, что именно тебя Бог избрал
своей дланью и гласом? что ты знаешь мысли Его?
возвещаешь волю Его? что ты Ему ближе,
чем нищий румын? чем побитый мальчишка?
чем самоубийца, сжавшийся в предсмертном страхе?
чем коммунист, идущий во главе голодных? чем
старушка, которая роется в отбросах? откуда ты знаешь,
что он внемлет твоему пению, а не их молчанию?

Ты вещаешь от имени Бога, словно сам
ты Бог. Но что если Бог уже не живёт
в твоём хрустальном дворце? а твой епископский посох –
всего лишь тростинка?

Ты пришёл от имени Всевышнего, словно
тебе ведомы все тайны, все языки земли и
воды, света и тьмы. Как ты пришёл,
так и уйдёшь.

Третий глаз

И у тебя он есть или был, этот глаз или шрам от глаза.
И у тебя, и у него, и у неё, и
у этой женщины в окошке с геранью.

У каждого есть или был третий глаз,
у кого-то он зарос, не развился,
а чаще всего ослеплён,
пробит светом насквозь,
а может быть, вырезан ещё до рождения,
заперт в излишне твёрдом черепе.

Третий глаз – ясновидящий,
точный,
зоркий.

Иногда ты вдруг чувствуешь, до чего тебе хочется посмотреть
третьим глазом, а когда понимаешь,
что потерял его, плачешь
теми глазами, что у тебя ещё остались.

* * *

Задумайся, кто ты –
крысолов или крыса?

А может, ты дитя,
бредущее в толпе
сквозь туман, что трепещет
от звуков флейты...

Краткая благодарственная литания

Спасибо тебе, Боже, за чувство одиночества
и за потребность исповедаться в сомнениях,
на которые ты обрёл меня.

Спасибо тебе, Боже, за внутреннюю тишину, ибо
тишина рождает слово,
а слово даёт плоды в тишине.

Спасибо тебе, Боже, за свободу мыслей,
скрытых среди стен,
обманов и снов.

Спасибо тебе, Боже, за совесть,
хоть я и предал.

Из Ярославля, что на Волге

Стоило родиться на планете Земля,
ради того, чтоб нежданно на краю Европы
под занавес жизни встретить
женщину, сотканную из твоей мечты и тоски.

Стоило жить ради трёх стопок водки,
на приёме у губернатора,
ради того, чтоб увидеть, как она, высокая и такая близкая,
произносит моё имя по-русски.

Стоит жить, хотя мы разминулись во времени,
в пространстве, в словах, в языках.
Стоит жить вопреки судьбе, а быть может, в согласье
с судьбой, стоит жить даже ради мечты
о ней, зная, что она есть на свете – нежданная,
далёкая и неправдоподобно прекрасная.

Не прощаю

Они есть!
Учителя прощения, знатоки
законов совести. Они говорят за тебя:
когда, кому и как ты должен
прощать вину.

Как будто начисляют комиссионные от
продажи слова “прощаю!”.

Ты заикаешься, лжёшь и в конце концов
говоришь “прощаю” из опасения, что иначе
они обвинят тебя в
бесчеловечности.

Сжав кулаки,
воспалённым ртом ты хрипишь:
“прощаю”, а язык сводит
от горечи.

Но когда ты вернёшься домой,
ты захлопнешь дверь и перед зеркалом,
задыхаясь, услышишь
своё загнанное вглубь: – Нет!

* * *

Говорили: Россия утонет в крови
а Россия жила мечтою своей
Говорили: тиф – голод и вши
а вокруг было всё светлей

Говорили: погубели им не осилить
там народ на народ пойдёт
– и не думали что Россия
горю даст от ворот поворот

Новый мир начинался с боли
не только с бравурных песен
но всё вокруг было общей заботой
и все работали вместе

Этот миф создал нас и создаёт
обновляя дела и помыслы
Говорили: гнев божий Россию убьёт
– а мир ей проникся полностью

По-настоящему хороший день

Самая большая победа?

Когда птица, которую ты вылечил,
легает вокруг твоего дома.

* * *

Мы идём по жизни от цели к цели
как под деревьями старого кладбища
среди могил друзей

Этот
разорван взрывом заржавевшей гранаты

Тот
раздавлен грузовиком
– помню искорёженную раму велосипеда
кровь ползущую из-под коричневого брезента

Этот
заплыл слишком далеко в море
и не смог вернуться

Тот
повесился на ремне

Вон с тем
что лежит под бетонной плитой
мы бросали друг в друга камни
– он умер от заражения крови

А здесь
под каменным крестом зарыли
мою первую любовь
погибшую от лейкемии

Столько меня связывает мама с этим кладбищем
где серые струны деревьев
наигрывают старые мелодии

Рубят наш лес

Лесорубы убивают деревья,
лесорубы уничтожают лес,
лесорубы гордятся своим ремеслом.

Гордятся силой своих топоров,
блеском их лезвий, визгом механических пил,
пустотой, которую оставляют позади.

Они не слышат и не хотят слышать
плача листьев и крика ветвей,
не видят и не хотят видеть
разорённых гнёзд, растоптанных муравейников.

Лесорубы, поплевав на ладони,
вырубают, кромсают, пилят, валят наземь...

Резня продолжается. Лесорубы считают и пересчитывают.
Обречённые деревья в тревоге и ненависти
ждут стога придавленного дровосека,
ждут мгновения справедливости,
краткого перерыва в убийстве.

Не внушай себе, что лес тебе друг,
не внушай себе, что лес всё забудет,
что не будет отмщенья.

– Это я, человек, – твердит лесоруб.

Человек – это звучит жутко.

Преступница

Женщины убивают так же, как мужчины,
они хладнокровны и точны в деталях.

Иногда они заботятся о порядке и
эстетике убийства, убирают,
обмывают труп, подкрашивают губы
и ресницы.

Но не ищи никаких особенных отличий,
их нет –
ни в биении сердца,
ни в частоте дыхания
ни во взгляде.

Женщины убивают уверенно, метко,
профессионально.

Ты уже понял, что кожа на ладони убийцы
может быть очень нежной?

Понятие мести

Потребность мести рождена страданием,
а не ненавистью, – не оскорбляй тех,
кто стискивает кулаки от боли и
отчаяния.

Не говори о пропасти между справедливостью
и мезтью, ибо униженные имеют право
на мезть.

А забвение это дитя Времени.

* * *

Ты был псом в своре... Вышколенным, натасканным,
неутомимым в травле,
упорным в погоне.

Верный охранник,
гроза непокорных.

Но вот ты перестал быть псом
и решил забыть,
кем был.

Превратился в крысу,
в голубя,
в галку...
Был ночной бабочкой, змеей
на шее танцовщицы...
И наконец – стал человеком!

Тогда-то, неожиданно,
посреди белого, сверкающего пляжа
тебя настигла свора, окружила
и напомнила, кто ты такой.

* * *

“Умер” ...
“Скончался” ...
Нелепые слова.

Просто у меня украли Завтра.
Завтра придёт без Тебя...

Завтра без Тебя будет
бесконечным закатом
солнца.

* * *

Маски нам навязаны, однако
в маске я себя чувствую в большей безопасности.

Где-то рядом, на трибунах, эстрадах и сценах
идёт бесконечная резня.

Продолжается убийство мечты – хладнокровное,
жестокое, беспощадное.

Там орудуют откровенные мясники и наёмные
убийцы.

Мечты пытаются спрятаться, переждать,
подкупить кого только можно.

И мечты выживут –
замаскированные, лицемерные, продажные,
они будут мстить тем, кто убивал их из-за угла.

* * *

Ты согласишься стальным дверям, патентованным замкам,
уверишь в шифры и блокировки,
в ключи, которые невозможно подделать.

Ты будешь спокоен и безмятежен, убеждённый в том,
что тебе ничего не грозит в твоём таком современном,
таком защищённом жилище.

Ты уедешь без малейших колебаний,
с улыбкой довольства и гордости.

И тогда явятся воры, ломом поднимут косяк,
вырубят сигнализацию и заберут всю твою уверенность,
выпестованную годами.

* * *

Можно всю жизнь провести в ловушке,
не зная, что это ловушка.

Можно жить в ловушке
и быть счастливым.

Можно внушить себе, что мы сознательно
выбрали эту ловушку.

Можно радоваться жизни
в ловушке и рекомендовать её другим,
желая удачи.

В народе это называется
оптимизмом.

* * *

Ты заблудился в Непредвиденном Городе.
Время позднее. А такси здесь нет. Ты не знаешь,
как попасть на вокзал, не знаешь даже –
в какую сторону идти.

Страшно идти через мост ночи.
Ты боишься перекрёстка.
Боишься голых деревьев
на заснеженном сквере...

И вдруг из-за угла – голоса! Беспечный
разговор на улочке поздних страхов!
На тебя с доброжелательным любопытством
взирают двое полицейских...

Счастливый, ты спрашиваешь дорогу, а они,
улыбаясь, достают револьверы и
стреляют
прямо тебе в лицо.

* * *

памяти доктора Януша Корчака

Король Матиуш вошёл в газовую камеру с улыбкой.
Он думал, что едет на заседание мирового детского парламента,
которое вот-вот начнётся. Он верил учителю.

И другие мальчишки радовались. Девочки хлопали в ладоши,
пели и танцевали, думая, что уезжают
на долгие каникулы. Все спокойно входили в вагон,
веря своему доктору.

А эсэсовец уже готовил банки
с «циклоном Б».

* * *

Презумпции всеобщей невиновности я противопоставляю
презумпцию личной вины.

Сегодня снова в четыре часа пополудни
в высокочтимом Суде
виновный был признан невиновным, и в зале
раздался приглушённый смех
преступника.

А Суд делал вид, будто не видит,
не слышит,
не понимает.

Только нервно подрагивали набрякшие веки
над фиолетовой тогой –
как тень правосудия,
как последний отзвук совести.

Презумпции всеобщей невиновности
я противопоставляю
презумпцию личной вины.

* * *

Ты придёшь в кассу за деньгами.

Кассирша пересчитает и положит перед тобой пачку банкнот.

И тогда ты заметишь, что это ровно нарезанные лоскуты человеческой кожи, на которых оттиснуты номиналы и печать банка.

Похоже, страну оккупировали кровопийцы, но жить надо.

Ты притворишься, что не видишь перемен, ничего не понимаешь, и с улыбкой спрячешь деньги в карман.

Всё как прежде

Михаилу Лермонтову

Века проходят, демоны остаются! Кончился век упырей, но погромы продолжаются... Новое столетие открывает новая война.

Мы уже научились избегать яда и пламени, однако привычка жить, понизив голос – наша вторая натура.

Старые убийцы вымерли, рождаются их последователи, мы всё так же боимся безлюдных улиц, тёмных лестниц и незнакомцев, внезапно выходящих из полумрака... Мы отважны, неосторожны и неисправимы.

Кончился век упырей, начался век...

* * *

В Стране Аномалий всё нормально!

Здесь убивают отцов, матерей и детей,
а потом с аппетитом обедают, здесь набивают бочки
новорождёнными, совершают массовые самоубийства
и отказывают в работе миллионам.

Здесь больных птиц выбрасывают за окно прямо на бетон,
учителя продают ученикам наркотики,
здесь обкрадывают бедняков, бьют калек, топят
щенят и котят.

Здесь ради каприза меняют пол, здесь обрубают ноги
и равнодушны к мольбам о помощи...
А сколько бездомных, завшивевших бродяг
на вокзалах...

И всё это нормально для богатых, сытых,
уверенных в себе... всё это нормально.

Всё нормально в Стране Аномалий!

* * *

Молитва помогает и неверующему.

Её слова прибавляют сил в долгом ожидании,
приносят облегчение и – хотя ты в этом не сознаёшься –
надежду.

А ещё – эту чудесную иллюзию внутреннего спокойствия,
когда кажется, что окружающий мир
не так уж невыносим.

* * *

Бог – попытка объяснить всё,
что иначе необъяснимо.

По-другому тебе не суметь, да и не успеть.

А потому склони голову и слушай
тишину,
звучащую внутри тебя.

Заговор

Тишина... Затянувшаяся до боли...
И вдруг овации! Аплодисменты! Пискающие здравицы,
бурные похвалы! Речи
в твою честь...

Мне дали слово... Позволили...
Выслушали... Прочитали...
И что дальше?

Эта нереальная минута может оказаться ловушкой!
Осторожней, крысиный король, ты никогда не будешь
опытен настолько, чтоб избежать
надежды... А неистребимая надежда
переходит в безумие.

Да ещё эти тени, синеющие
у входа в нору, где пищат твои
голодные дети...

Тезисы о Лжи и Правде

Если ты лжёшь умирающему о будущем
и строишь вместе с ним планы на десятилетия вперед,
зная, что он уйдёт самое позднее послезавтра,
– возможно, такая Ложь нужна.

Если ты говоришь незрячему: – Океан! Океан! –
а тем временем вы подошли всего лишь к грязному пруду
между тюрьмой и казармой,
– возможно, такая Ложь прекрасна.

Если матери, у которой убили сына, ты внушаешь,
что сын вернётся, что он бессмертен,
что она должна верить и ждать,
– возможно, такая Ложь праведна.

Так и проходят наши дни среди Лжи –
нужной, прекрасной, необходимой;
мы ищем Ложь и лжём.

Мы не хотим Правды – боимся за себя.

А Правда упорно держит вахту на больной улице,
одинокая, ужасная, призрачная...

Незримая.

* * *

Червонный Валет застрелен!

Виновных не поймали; подозревают, что
работал по заказу профессиональный киллер.

Бубновый Валет застрелился дважды;
возможно ли, чтобы в такой неудобной позе
он выстрелил сам в себя?

Виновных никто не ищет, подозрения остаются.

Крестовый Валет задушен,
зарезан в собственном доме... Ограбление или месть?

Виновный отрицает: – Это не я!
Нет доказательств! Нет убийцы!

Пиковый Валет и Пиковый Валет №2 – оба
повесились в тюремных камерах –
самоубийство... Самоубийства?

Гипотезы... Подозрения... Виновных нет...
Ещё одна эксгумация... Кружат слухи.

Гибнут валет за вальтом... Виновные лгут...
Карты лгут... Шантаж, тишина, молчание.
Неискренность жестов... Неискренность слов,
ты это знаешь, Валет Икс.

* * *

Шёл на войну Валет Червей,
за ним – Крестей, а с ним – Бубей,
и только Пиковый Валет
знал, что назад дороги нет.

Он их стращал! Да толку – чуть!
У карт в башке такая муть.
Тузы орут: Давай их крой!
Марш! марш! – за Королём Король.

Все масти двинулись в туман –
у торгашей набит карман,
трофеями прельщает чёрт,
песок в глазах краплёных морд.

Недолго бравый легион
нам будет сниться по ночам,
забудет мир о них тотчас,
и совесть прекратит свой стон.

Вальты – воинственный народ,
авось вернутся, нет – так нет;
колода списана в расход.
В туман идёт другой Валет...

* * *

рыболовам

Кожа рыбы чувствительна, как человеческий глаз,
твой глаз... Невероятно чувствительна...
Помни об этом, рыболов, живьём жарящий форель,
плотву, линя, леща... Ты соскребаешь ножом
чешую и бросаешь рыбу на сковородку...

Кожа рыбы болит, рыба страдает, ты уже
знаешь об этом из моего стихотворения.

Ну и что?

Кожа рыбы чувствительна, как твой зрачок,
но твоя совесть так же чувствительна, как стальной
крюк или капроновая леска.

Ближайшее зло

Хочешь познать Зло? Придётся участвовать в нём.
Хочешь познать Зло? Ходи по его улицам.
Хочешь познать Зло? Говори на его языке.

И ты узнаешь, что такое Зло:
оно могло быть тобой – ведь ты не умел быть против,
не боролся, не протестовал,
не мог, не хотел, боялся... подчинился.

Привычное,
пленительное зло
в душном гетто умирающих мыслей.

Ты будешь сам себе Хароном.

* * *

памяти Збигнева Херберта

Не обольщайся... Никто не воскреснет!
Не будет высшего суда, никто не взвесит добрые и злые дела.
Апокалипсис творится уже тысячи лет, ты каждый день
смотришь в его стальные глаза... Не обольщайся – не будет награды!
Ты за всё заплатил заранее – собственной смертью,
ничего тебе не досталось даром, а страх
всегда был с тобой. Ты не успеешь заново прожить то,
что хотел прожить заново, только книгу можно прочесть ещё раз,
да и это будет уже другая история. Не обольщайся,
что тебя выслушает друг, женщина, сын, дочь, брат, кто угодно.
Они тоже хотят, чтоб ты их выслушал... Не обольщайся,
что перестанешь обольщаться, это тоже всего лишь
иллюзия, ты проиграешь вдвойне, поверив мнимым победам
и холодному шёпоту. Не обманывай себя, не стремись
туда, куда дошли другие, небытие настигнет тебя,
как всех, кто был прежде... Не обольщайся, остановись, передохни
на границе мрака. И смейся, громко смейся
над героями, обманутыми судьбой, высмеянными временем,
над теми, кто гнался за блеском позолоченного руна.
Не обольщайся, будто твой смех объяснит хоть что-то.
Он не поможет даже тебе, не защитит тебя
от сплетен, клеветы и издёвок идущих рядом.
Не обольщайся, что всё это важно, ибо и это не важно.
Это просто обрывок сна, куда тебя занесло
случайно. Ты хотел придать смысл своему
появлению, краткому и прекрасному
– не обольщайся, что это возможно...

Славяне

Славяне шли, как свет, в сияющем пространстве... На запад, на юг, на север...
Разделённые, они ссорились, спорили, понимали общие корни слов, но их раздражали окончания, ударения, мягкость слогов, певучесть речи.

Славяне шли вместе и порознь, как камни, стволы деревьев, снег и пыль лавины. По течению рек, по ущельям, по морским побережьям... Сны останавливали их – на сотни, на тысячи лет... Они строили семьи, дома, города... Мечтатели! Они почитали древние буки, дубы, ели.

Поклонялись четырёхликому Богу и Солнцу, Месяц был их господином, и Молния, и Огонь, и Вода, и Радуга, и Ветер, и Незримые, Неведомые, Угаданные... Чужих они встречали с детской недоверчивостью и продавали им кусочки янтаря... Выплавляли в земляных печах железо, ковали оружие и сражались...

Славяне не знали границ, не знали слова “Европа”... Но они понимали языки друг друга... Первые кресты они узнали от римлян – легионеры, скрывая свою веру, рисовали рыб на песке... А вскоре прибыли монахи – Кирилл, Мефодий, Войцех.

Падали изваяния, горели храмы, святые деревья умирали под топорами, рождались серебряные и золотые монеты... А славяне обнажали мечи друг против друга, и учились новым понятиям: племя, народ, ненависть, одиночество. Брат бился с братом, сестра проклинала сестру, рождённую той же матерью.

Время их разделяло всё глубже. И только где-то в глуши опальные пророки шептали: Единство! Взаимность, славянство!.. А время бежало быстрее и быстрее, и развеивались, и выцветали сны... И они убивали и поносили друг друга, и, обвинённые, обвиняли, у чужих ища понимания... Так шли и шли славяне.

Священнику, пришедшему соборовать меня

Если Бога нет,
ты мне не нужен
и шаги твои напрасны.

Если Бог есть,
ты тем более мне не нужен,
поскольку Бог, совершеннейшее существо,
не нуждается в несовершенных посредниках.

Если же мы придумали Бога
от одиночества, по слабости душевной,
ради самооправдания
и вот уже столько веков ломаем комедию,
– тогда ты необходим.

А может, Бог диктует нам слова сомненья?

*Когда есть хоть немного света,
пустота исчезает.*

Содержание

Пожар.....	3
Цивилизация птиц.....	4
Крысы.....	6
Цель.....	8
Убийцы прячутся среди деревьев.....	8
Искушение.....	9
Безумие.....	9
Предостережение - быть может, для тебя?.....	10
Инквизиторы трудятся в поте лица.....	10
Перед третьей мировой.....	11
Убийцы где-то рядом.....	11
Называй преступника его собственным именем.....	12
Кредит ангелу.....	12
«Убийцы совсем близко...».....	13
Послание пожирателям мяса.....	13
Короткая баллада о недоверии к словам.....	14
Бессмертный.....	14
Твоя настоящая любовь.....	15
Баллада о моей бабушке.....	16
Из будущего.....	17
«Карлики мешают нам идти быстрее...».....	17
«Закон, который не даёт ощущения безопасности...».....	18
Между правом и справедливостью.....	18
Окончательное познание правды о самом себе.....	19
«Голубка с тёмными крыльями...».....	20
Десять заповедей для себя.....	21
Жестокость цифр.....	21
Неоконченная биография Нуля.....	22
Нет пустоты там, куда проникает свет.....	22
Цитата из Лейбница.....	23
Шаг в вечность.....	23
Это застолье тебе известно.....	24
Твоё атеистическое «эго».....	24
Всех этих обманщиков.....	25
Время джокеров.....	25
Предсказания не принимаются.....	26
Сказка о четырёх демонах.....	26

Надежда приходит в сумерках.....	27
Надо мной беззвёздное небо.....	27
Круги дружбы.....	28
«Боль – проще всего...».....	28
Польша 2000.....	29
Цивилизация реального капитализма.....	29
Тем, кто не знает голода.....	30
Мысль во время бомбардировок Югославии.....	30
Ночь, когда не видно луны.....	31
Эпилог к поэме «Город».....	32
Молитва о мире в Югославии.....	33
Носильщик.....	35
Подражание Декарту.....	35
Тайный плач нигилиста.....	36
Эмигрант.....	37
Переплётчик.....	37
Убийство писателя.....	38
«Они не говорят прямо...».....	38
Больной.....	39
Священнику Яну Т.....	40
К***.....	41
Третий глаз.....	42
«Задумайся – кто ты...».....	42
Краткая благодарственная литания.....	43
Из Ярославля, что на Волге.....	43
Не прощаю.....	44
«Говорили: Россия утонет в крови...».....	45
По-настоящему хороший день.....	45
«Мы идём по жизни от цели к цели...».....	46
Рубят наш лес.....	47
Преступница.....	48
Понятие мести.....	48
«Ты был псом в своре... Вышколенным, натасканным...».....	49
«“Умер”... “Скончался”... Нелепые слова...».....	49
«Маски нам навязаны, однако...».....	50
«Ты согласишься стальным дверям...».....	50
«Можно всю жизнь провести в ловушке...».....	51
«Ты заблудился в Непредвиденном Городе...».....	51
«Король Матиуш вошёл в газовую камеру с улыбкой...».....	52
«Презумпции всеобщей невиновности...».....	52
«Ты придёшь в кассу за деньгами...».....	53
Всё как прежде.....	53
«В Стране Аномалий всё нормально!...».....	54
«Молитва помогает и неверующему...».....	54

«Бог – попытка объяснить всё...»	55
Заговор	55
Тезисы о Лжи и Правде	56
«Червонный Валет застрелен!..».....	57
«Шёл на войну Валет Червей...».....	58
«Кожа рыбы чувствительна, как человеческий глаз...»	59
Ближайшее зло	59
«Не обольщайся... Никто не воскреснет!..»	60
Славяне	61
Священнику, пришедшему соборовать меня.....	62

*Помоги мне – просил он мысленно –
я не умел помочь.
Поддержи – но я был,
как и он, унижен.
Помни –
никогда не забуду.*